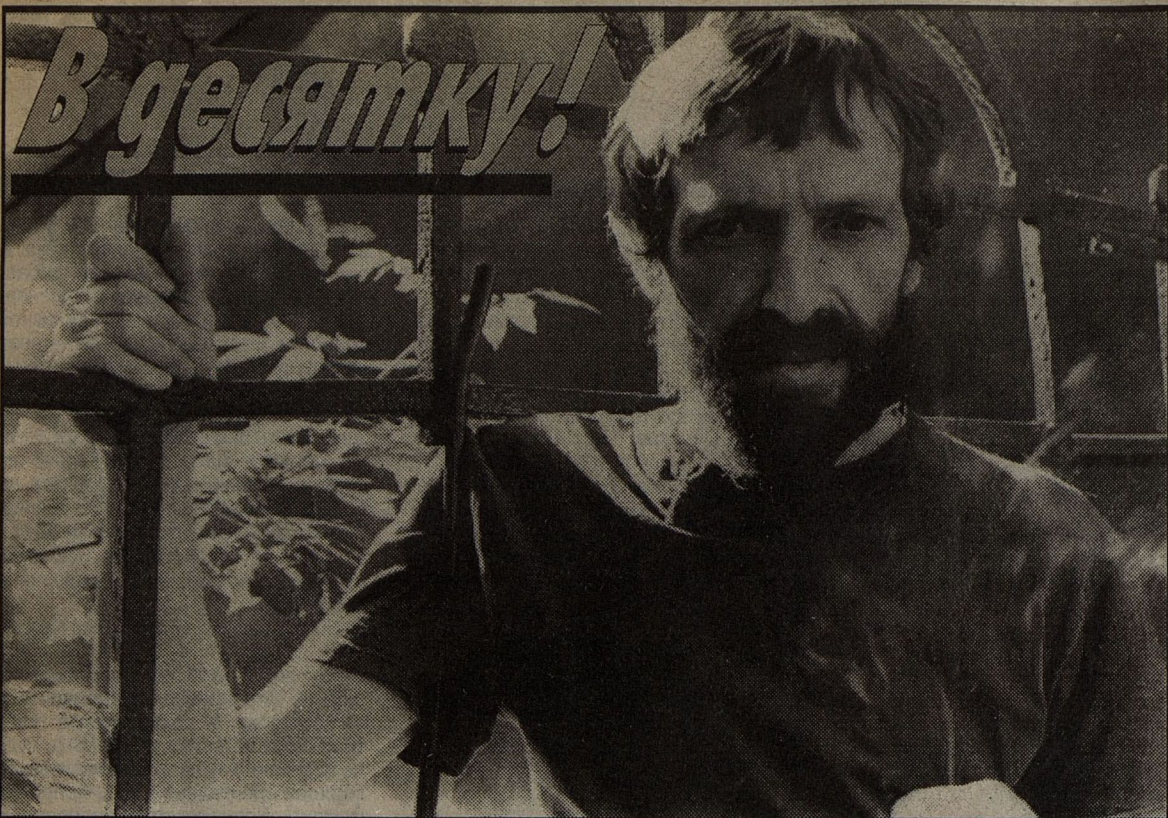

В десятку!

ПСЕВДО И НИМ

1. — Андрей, вот вы берете у меня интервью. Смотрите с несколько идиотским любопытством — весь из себя такой молодой и талантливый: чем, мол, вы здесь занимаетесь? Как у вас здесь все интересно! И даже уже в этом взгляде вашем — снисходительная непричастность ко всему, чем мы здесь, собственно, и занимаемся. Вам кажется, что все это вас не касается. Вы не считаете себя соучастником войны. Я тоже иногда ловлю себя на мысли, что я не соучастник этой войны. Может быть, и читатель так же думает. Скорее всего. Сейчас он прочтет то, что вы напишете, потом немножко музыки, и жизнь прекрасна. Я вот недавно говорил с чеченцем и понять не мог: почему он не ощущает важности того, что мы делаем для осуждения сегодняшней войны? А потом посмотрел на себя его взглядом: полгода моя страна уничтожает его народ. Шесть месяцев. Это примерно как с июня сорок первого по декабрь. Представьте, что в декабре сорок первого представитель Германии пытался бы вас убедить в полезности каких-то своих действий. Даже и совершенно искренних, и вполне антифашистских. Так и они на нас смотрят. И это правильно.

2. Нима «паши» с середины семидесятых, но взяли за два месяца до смерти Черненко. Он вышел в восемьдесят седьмом. — Замечательное ощущение. После лагеря. Свободный человек в свободной стране. Идешь и вдруг на Пушкинской площади видишь лозунг — о демократическом государстве, общечеловеческих ценностях и правовом обществе. Вполне цивилизованные слова. И понимаешь: да, это то, что я хочу. Я хочу жить в правовом обществе. Не так давно был проведен замечательный опрос — в Америке и в Союзе: что такое суд? В Союзе ответили: место, где осуждают преступников. В Америке большинство сказало: это место, где люди выясняют истину. Правовое общество — это когда на одной чаше весов — права, на другой — ответственность. На этой опоре строятся законы, строится правовое общество. Для наших властей второй чаше нет: никто из них никогда ни в чем не был виноват. Виново все что угодно: обстоятельства, система — «так сложилось»... ЛИЧНО — никто никогда не виновен. Например, Берия — преступлений выше головы, но признан виновным в англо-японо-марсианском шпионаже. Подобное — не торжество идеи ответственности, а расправа более удачливых преступников над менее удачливыми. Ни процесс над ГЧЧП, ни суд над компартией не были явлением права — ни разу не был установлен прецедент личной ответственности высокопоставленных преступников. А без этого попытка создать правовое общество — лишь убогие потуги хвостинками законодательных актов набросать гать на тряпину произвола. — То есть вы хотите ни много ни мало создать правовой прецедент личной ответственности высокопоставленного должностного лица в истории России? — Не знаю. Но я знаю одно — бывают ситуации выбора. Когда нельзя искать оправдания преступнику, незачем вникать в его аргументацию — надо действовать. — Но почему вам недостаточно тех усилий, которые предпринимает, например, «Мемориал»? Почему вы не ограничиваетесь неучастием? — Все, что я делаю, — я делаю из эгоистических соображений: я редко смотрюсь в зеркало, но когда по утрам причешусь — хочу, чтобы меня не тошнило.

3. В январе этого года по инициативе Наума Нима, Сергея Григорьянца и Валерия Борщева была создана Общественная комиссия по расследованию преступлений в Чечне.

не. Ее цель: подготовить свод документированных свидетельских показаний и предъявить обвинение первым лицам государства, которые ответственны за происходящее.

— Преступники должны быть публично названы преступниками. А потом каждый сможет решить для себя сам — становится ли соучастником преступления. Реакция общества на публичное обвинение и будет показателем его состояния. Материалами комиссии смогут воспользоваться все те, кто захочет добиваться их рассмотрения в суде — здесь ли или в суде международном.

— Какова история создания комиссии? — Сразу после начала военных действий я стал выпускать сборники документов «Не знать, не видеть, не понимать». Свидетельские показания, военная хроника, обращения к журналистам... Пресса на эти звания не отзывалась. Да и на саму войну она реагировала как на свежий грандиозный скандал. Теперь свежесте ушла, и пресса молчаливо согласилась, что война «уже никому не интересна»... Журналисты ведут себя сообразно обстоятельствам: когда им это удобно — они называют себя четвертой властью, когда неудобно — второй древнейшей профессией. Давайте все-таки определимся — одновременно это невозможно.

Журналисты у нас действительно считают себя основой демократии-гласности. Их бывает трудно в этом разубедить. Пресса в уникальном положении — ее трогать нельзя: что скажет Запад? На нее пробуют накатить — и откатывают. Предпочитают действовать иначе: вызывают в Кремль, разъясняют, тому дают аккредитацию — этому нет, того дотируют — этому отказывают... Потому что в Кремле понимают: немного такой работы — и журналисты отпадут добровольно. Посмотрите, что сейчас передают из Чечни, как комментируют... Пристойно выглядит, может быть, одно НТВ. Оказывается, манипулировать нашими демократическими СМИ по-прежнему легко. Более того: после беспрецедентных по своей наглости обвинений прессы в чеченском «подкупе» забарабили вопросы: кого купили? за сколько купили? Когда мы требуем сообщений о конкретных суммах — мы как бы уже согласны с властью-хамской уверенностью в том, что пресса сознательно дезинформирует общественность. Если нас всех завтра станут обвинять, что мы водим дружбу с чеченцами и по ночам поем чеченские песни — не надо требовать ответов на вопросы: кто, с кем водит, что именно поет? Разве только для того, чтобы слова списать...

Уже в январе для меня было понятно, что публиковать сборники — мало. Еще одна демонстрация, еще один марш мира... Все становится частью большой лжи. Из законных дорог в нормальную жизнь мы себе оставили только одну. Это — в отчаянии и опустошении бессилия тыкать просьбами и увещеваниями в холеную физиономию своего преступного правительства. Но правительство не хочет в нормальную жизнь. Там ведь висит угроза ответственности за тупость, ложь, кровь и убийства. Столкнуть всю страну в круговорот лжи и насилия, потопить в этом омуте столь явную сегодня собственную вину — это они нынче выбрали, чтобы удержаться. Правота Сергея Ковалева, его друзей и — слава Богу! — еще многих и многих людей уже отдельна в атмосфере циничной правоты всей страны.

— Значит, все это вам кажется беспомощным и бесполезным и вы хотите жестко сформулировать обвинительное заключение на основе фактов и свидетельских показаний. Но вам сразу же заявят, что с чисто правовой стороны чеченская акция как раз оправдана. Криминальная республика...

— Нам дуется в уши про злодеев-мятежников, терзавших всю Россию и угрожавших ее могуществу. Про супербоевиков из мусульманского зарубежья. Про непобедимых прибалтийских наемниц. Лишь бы побольше и пострашнее. Только страшнее всего этого вранья — наши властные псы с их нечеловеческими победами. Они куда страшнее тех бродячих, что разжирили в Грозном на останках солдат.

Мы изучали документы о криминальной ситуации в Чечне. Я готов доказать, что «предотвращенное зло» несоизмеримо со злом причиненным. Можно найти, скажем, массу аргументов за вторжение в Чехословакию в 1968 году. «Государственные интересы» и тому подобное...

Если оставить лукавую аргументацию, то ситуация проста. В декабре девяносто четвертого нас всех сделали преступниками. Такое в истории бывало: например, в 1939 году преступниками сделали всех немцев. Сегодня я не хочу быть соучастником. Но мы живем в такой стране, что просто сидеть у себя на кухне и быть ни при чем — не значит отделиться. Нужно ответить действием, которое этому соразмерно.

— Но что соразмерно войне? — Не знаю. Считал ли Александр Исаевич, что «Архипелагом» он адекватно отвечает на то, что совершает советская власть? — Вы диссидент? — Нет.

— А кто? Общественный деятель? — Нет. Когда я что-то делаю, я не имею в виду политические дивиденды, не живу на гранты, не пою и маршем мира по европейским столицам. Мне претит быть интел-

лигентом с хорошо развитым, гибким позвоночником. Не могу слышать, как говорят: надо подать в Конституционный суд, все это так сложно... Что надо определиться с отношением к чеченцам... Теперь уже — после преступления — все ясно и просто, да и чеченцы здесь сами по себе ни при чем — только жертва преступления...

— То есть?

— Жертой этого преступления мог оказаться любой другой народ. То, как я отношусь к чеченцам, — совершенно неважно. Допустим, я уважаю чеченский народ — это народ, который сохранил себя. Народ с традициями — если вы гость и за вами вдруг пришли «власти» или другие враги — за вас будут проливать кровь, потому что гость — это свято... Но все это — мое частное отношение к тому или иному народу. И дело совсем не в этом — просто после того, как в мире уже существовало радикальное решение еврейского вопроса, нельзя спокойно пить по утрам свой апельсиновый сок. Нельзя жить после Освенцима по-прежнему. Мы же и с большой помощью родной интеллигенции, для которой все сложно, — мы учимся жить во время Освенцима, рядышком с ним... Человек может, конечно, от всего заслониться — но тогда пусть помнит, как заслонился. Эту свою подлость пусть носит в себе... В декабре казалось, что негодование обществу столь сильно, что нужно совсем немного усилий, что все можно остановить. Была видна растерянность власти. Я тоже думал, что довольно будет одного осознания: да, нас втянули в преступление. Все поймут, и власть отреагирует. До седьмого выпуска «Не знать...» все сборники выходили под девизом: «Война — это продолжение ТУПОЙ политики иными ПРЕСТУПНЫМИ средствами». И только в седьмом выпуске этот девиз я сменил: «Политика — грязное дело. Усилиями грязных политиков — уголовное». А в восьмом было уже другое: «Любая власть развращает своих представителей. Безответственная власть развращает всю страну».

С чеченской войной уже ничего не сделаешь — ее опоздали остановить. Но если мы не пройдем опыт Нюрнберга, как прошли немцы, — нам придется расправиться за это еще более жестоко. Сейчас речь может идти только об осуждении совершенного преступления. Ну а вся сегодняшняя возня вокруг чеченской войны — все эти разбирательства, анализы причин, все эти заглядывания под пыльные ковры властных коридоров — это все способы если не оправдать злодеяния, то примириться с их неизбежностью...

— Кому конкретно может быть предъявлено обвинение? Солдатам? Офицерам? — Ельцину, Гравчеву, Ерину, Степашину, Лобову... — эта скамья должна быть вместительна.

— Какие свидетельства и о каких преступлениях собирает комиссия? — Мы стараемся иметь дело только с безусловно достоверными свидетельствами. Есть много свидетельств о чудовищных формах насилия. Об убийствах — без суда и следствия, о мародерстве, о бессмысленно жестоких разрушениях...

— Вы предполагаете опубликовать книгу по собранным материалам? — Я не уверен, что удастся такую книгу издать. Пока мне важно, чтобы работа была закончена...

фото Андрея Никольского и Владимира Шнейersona

4. А теперь — чтобы было понятно, почему Ним живет так. Некоторый экскурс.

— Наум, я не раз слышал, как прочитавшие ваши повести говорят, что долго не могли ни спать, ни есть. Все описанное — свод разных свидетельств или ваш личный опыт?

— В основном личный. Я действительно почти не выходил из БУРа — барака усиленного режима.

— За что?

— Я, оказывается, вел среди эзков пропаганду. На самом деле — я просто рассказывал им про их права, ведь они не знают кодекса. Меня вызвали на административную комиссию. «Нам известно, что вы сказали, будто никогда не работали на советскую власть и ни дня на нее работать не будете». Я ответил, что это не моя формулировка, но что я действительно работал на себя и на своих близких, а не на советскую власть. «Он еще разговаривает, мразь! Как стоишь?» — «Стою — как могу. Могу плохо, товарищ полковник». — «Какой товарищ?» — «Действительно, — говорю, — какой товарищ...» С этого разговора меня сразу отправили в ШИЗО. 15 суток, потом добавляли... ШИЗО — отдельный барак, подвал. Принимают солдаты: «Раздевайся». Снимают все, что есть. Выдают деревянные тапочки, бумажный костюмчик, застиранный, рукава по локоть, и — в камеру. Температура — семь-восемь градусов. Еда — через день. Курева нет. Я объявил голодовку. «Ах, он голодовку? Голодают у нас в отдельной камере — в общей неэтично. Люди будут смотреть и мучиться». Отвели в отдельную камеру — два метра на полтора. Зашел начальник лагеря. «Что-то мне здесь не нравится, — говорит он. — Дайте-ка мне какую-нибудь трость». Дают трость. Он разбивает окно. Январь месяц. На стенах налепи.

Через двадцать семь суток меня вытащили оттуда наверх, в кабинет начальника. И начальник мне сказал: «Наум Аронович, тут телеграммки пришли от наших врагов». Я попросил курить. Он: «Не положено». Но я уже в тепле, меня разморозило, мне хорошо. «Враги из Америки о вашей судьбе беспокоятся. Хотите телеграммки посмотреть?» — «Курить дайте!». Дали закурить. «Наум Аронович, мы с вами как-то не понимаем друг друга. Давайте вы им напишите отповедь». Я вообще-то человек вежливый, но тут говорю на ты: «Ты кто, полковник! Вы меня здесь мордуете, как последнего цуцика, американцы заступились, а я им отповедь напишу?»

Я никогда не понимал такого советского выражения — «лицо посуровело». Но тут понял. «Отведите его обратно». Пока меня вели назад, в ШИЗО, я решил: сразу выплескиваю воду из кружки и объявляю сухую голодовку. После двадцати семи дней обычной — это три-четыре дня — и все. Но не пришлось. Только закрыли за мной дверь — тут же открывают и — на больничку. Испугались Америки... Кстати, полковник этот не был патологическим злодеем. Он и эгзистов не любил, и сам понимал, что делает что-то неправильное... Просто он был хозяин. И хотел, чтобы все было, как он решит.

— А можно о более приятных вещах. Как вас выпускали?

— Выпускали прямо из ШИЗО. Подошел начальник тюменского лагеря с протянутой рукой и сложеной в радость мордой. И только после моего удивления, с чего это он так охренел, руку убрал и физиономию разгладил в обычность.

5.

Ним вызывает подсознательное раздражение: он в лагере держался во всечасной готовности погибнуть, он в Пен-центре скандалил, он во время чеченской войны оказался единственным, кроме воюющих сторон, кто что-то реально делает. Потому что и в самом деле на одной чаше весов — война, а на другой — его комиссия: десяток адвокатов, журналистов и программистов без всякого официального статуса. Все остальное, что претендует называться борьбой и протестом, как ни печально, псевдоборьба или борьба за личное будущее...

И цель свою я буду почитать достигнутой, если эгоистическое подвижничество Нима будет вызывать не раздражение, не подсознательную зависть, не вполне объяснимое отталкивание, а, пусть мимолетное, желание помочь и поддержать. Потому что — при всей моей любви к частной жизни и ее простым ценностям — бывают времена, когда умение идти до конца становится главной добродетелью.

Сегодня честь русской интеллигенции спасает Ним: согласны мы или не согласны — деваться некуда.

Великая вещь — уметь отказываться от рукопожатия, говорить с полковником на «ты» и в ответ на все начальственные крики упорно требовать свою сигарету.

Андрей ОЛЬХОВСКИЙ.

Наум НИМ (Ефремов) родился в 1951 году. Прозаик, публицист, правозащитник, член Пен-центра. В 1985 году арестован по ст. 90 (прим) — изготовление и распространение материалов, содержащих клеветнические измышления. В Германии издана книга прозы, в России — две повести. Возглавляет Общественную комиссию по расследованию воинских преступлений в Чечне. Женат.

254